

РОМАНОВА В. Ф. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КОХ Михаил Александрович, родился в 1871. Получил высшее образование, работал в Петербурге горным инженером, после 1917 — занимался переводами технической литературы. Летом 1927 — арестован в Ленинграде по групповому делу, 13 января приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

РОМАНОВА Вера Федоровна, родилась в 1863 в Санкт-Петербурге. Получила высшее образование, работала в Петербурге по специальности, с 1916 — организовала и преподавала на Высших Женских Строительных Курсах. Летом 1927 — арестована в Ленинграде, 13 января приговорена к ограничению проживания на 3 года (-6). Местом проживания выбрала Тверь.

В феврале 1928 — обратилась с заявлением в ОГПУ.

<10 февраля 1928>

«В Особое Совецание по высылке

административно высылаемой
Веры Романовой

Заявление

На основании постановления Особого Отдела при Коллегии ОГПУ от 13-го января 1928 г<ода> я обязана выехать в выбранный мною г<ород> Тверь, но по болезни исполнить этого не могу. Справку коммунального врача при сем прилагаю, но и, помимо указанного в ней заболевания, мое здоровье окончательно подорвано 7-ми месячной высылкой в ДПЗ, и если в Ленинграде, где меня многие знают за бывшую хорошую работницу, я еще могу надеяться заработать кусок хлеба, то в чужом городе 65-ти летняя больная старуха, конечно, не может рассчитывать ни на какую работу. Поэтому убедительно прошу Особое Совецание по высылке сжалиться надо мной и в силу амнистии 7-го ноября 27 года и только что перенесенного мною 7-ми месячного заключения, ходатайствовать об освобождении меня по болезни и старости от высылки с моей родины — Ленинграда.

Моя совесть во всех отношениях совершенно чиста перед Советской Властью, чистые идеи коммунизма мне так же дороги, как и каждому честному партийному работнику, и я не боюсь какого угодно надзора надо мной со стороны ГПУ.

Вера Романова.

10 февраля 1928 г<ода>.

Ленинград. Мастерская ул. 11, кв. 22»¹.

Тогда же Вера Федоровна обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<23 февраля 1928>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Простите, что этим письмом отнимаю дорогие минуты Вашего времени, но мои друзья, Петрова и Филиберт, вернулись сюда, так очарованные Вашей добротой, что мне хотелось бы лично поклониться Вам, но, прикованная к постели, я могу только письмом благодарить Вас и еще и еще просить Вашего заступничества.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. Л. 310. Автограф.

Клянусь Вам честью, что ни я, ни муж мой, горн<ый> инж<енер> Мих<аил> Ал<ександрович> Кох, ни в чем не грешны перед советской властью. Многолетней совместной работой по специальности (по горному делу) мы завоевали себе кусок хлеба на старость; потеряв все 10 лет тому назад, мы не стали роптать на это, и сперва оба пошли служить, а потом перешли на литературный труд (исключительно технический), и, проживая сегодня то, что вчера заработали, опять-таки не сетовали на свою судьбу и не только "активно", но даже и в душе не восставали против существующего порядка, считая, что сыты и ладно, все равно жизнь на исходе, да и, вообще, мы оба не материалисты.

Теперь я не знаю, по чьему именно ложному доносу нас пристегнули к т<ак> наз<ываемому> Епанчинскому делу, и почему после заверений следователей и прокурора, что против нас улики не имеются, а есть только "непроверяемые подозрения", моего мужа сослали в Соловки (а меня гонят из Ленинграда), тогда как т<ак> наз<ываемого> главара этого дела Епанчина, против которого метали громы и молнии, высылают только минус шесть. За мужа, может быть, ходатаями выступают те учреждения, где он работал не без пользы для них, для себя же я прошу Вашей защиты от высылки, потому что больная 65-ти летняя старуха может найти работу только в кругу старых знакомых; в совершенно же чужом городе, конечно, обречена на голодную смерть, да и это бы не важно, но я должна работать, чтобы поддерживать мужа, заключенного сейчас в Кеми, хотя доктор, присланный из ГПУ меня освидетельствовать, и объявил мне категорично, что раньше надо вылечиться, а потом уже думать о работе. Я ничего ему не ответила, хотя могла бы сказать, что, верно, — мне надо лечиться, но надо и работать, ибо надо и кормиться, потому что семимесячное сидение в ДПЗ (куда я весной вошла человеком полным сил и энергии) не только унесло все мое здоровье, но и разорило нас дотла, до полной нищеты.

Спасибо Вам за Ваше заступничество, не отнимайте же Вашей руки, поддержите до конца глубоко благодарную Вам слугу Вашу Веру Романову.

25 февраля 1928 г<ода>

Ленинград, Мастерская ул., д. 11, кв. 22»².

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Написать в КРО об обещанном пересмотре и снятии – 6. ЕП. 28/II-28».

В мае 1928 — Вера Федоровна, узнав о смерти своего мужа в лагере в Кеми, обратилась за помощью к Е. П. Пешковой.

<12 мая 1928>

«12/V-28.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Пишу со страхом, что уже надоела Вам с моими просьбами, но Вы одна моя защитница, и я буду безмерно счастлива, если когда-нибудь судьба улыбнется и приведет мне на деле доказать Вам мою преданность и благодарность за помощь Вашу в эти мои отчаянные, мрачные дни, самые тяжкие за всю мою жизнь.

Дело вот в чем: после смерти мужа моего, Мих<аила> Ал<ександровича> Коха, в Кемперпункте остались вещи, книги (я их порядочно ему посылала, ввиду порученной ему геологической работы), и так как он уже готовился приступить к разведкам, как только сойдут снега,

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. С. 305-307. Автограф.

то у него, очевидно, было много разных заметок и на полях книг и в отдельных записках (я знаю его манеру работать). Вот все это: вещи, книги, (кой какой посланный мною ему инструмент) и, главное всего, заметки, — я прошу Вас помочь мне получить оттуда. Я два раза писала об этом начальнику Кемперпункта, но без результата, а между тем, никто, кроме меня, не сможет разобраться в этих заметках (почерк у него в таких случаях беглый, неясный, часто перемежающийся стенографическими знаками, словом, если не я, то никто не разберется); и последняя работа этого (поверьте мне) на редкость исключительно даровитого и образованного человека погибнет зря, а он отдался ей весь и писал мне: "буду счастлив, если удастся найти воду для этого безводного места". Вы только подумайте, там за 12 верст привозят воду цистернами и бочками... Это для тюрьмы-то! А кроме этого, я вперед ничего не обещаю, но, кто знает, возможно, что, изучив его заметки, поняв его мысль, я сумею быть полезной для этого намеченного дела: недаром же мы 18 лет работали вместе и не только в кабинете, а и в горах, и в поле, и я привыкла читать его мысли между стенографическими значками.

Между прочим, официального уведомления о его смерти я до сих пор не получила. Странное это отношение, что-то совсем бесчеловечное... Спасибо, товарищи по заключению известили; меня пришибла эта весть, но, если бы, ничего не зная, я не получала от него полтора месяца писем, я бы, вероятно, с ума спятила, не поняв, что случилось... Или они встали на старую точку зрения и фактическое (как они сами называют и признавали при следствии) супружество, по их мнению, не дает право узнать даже о смерти?!

Душою преданная Вам В. Романова.

Р. С. Жду каждый день вести от Вас; тогда соберусь с силами и поеду на его могилу, а, если не освободят, то, право, лучше не жить вовсе. В.Р.»³.

На письме — помета:

«Пов<торить>».

В августе 1928 — Вера Федоровна, получив сообщение Помполита, вновь обратилась за разъяснениями к Е. П. Пешковой.

<4 августа 1928>

«4/VIII-28 г<ода>».

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Получила Ваше извещение от 1/VIII (№ 695/2) и очень прошу Вас написать мне, как я должна воспринимать слова "в пересмотре дела Вам пока отказано". Как понимать слово пока. Значит ли это, что, невзирая на отказ, Вы, моя великодушная защитница, продолжаете дальше хлопотать за мою грешную душу: я поняла это именно так. Но мне важно знать: этот отказ, уничтожит ли он предыдущее распоряжение об оставлении меня в Ленинграде до нового пересмотра дела или Ваше заступничество пока защитит меня?

Мне надо знать это, потому что к износившемуся вконец за этот год сердцу прибавилась новая напасть — ноги отказываются служить. Умоляю Вас ответить мне, и, если Ваше милосердие по-прежнему не иссякло, похлопотать за меня дальше. Ведь наших товарищей: Епанчина и Пчелина освободили, чем же я хуже их... Ведь ни один из нас не повинен в тех обвинениях, которые возвели на нас... Те оба освобождены и живут по-

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. С. 288-289. Автограф.

прежнему как ни в чем не бывало, а моя жизнь разбита вдребезги, мой муж погиб по каким-то "невыясненным подозрениям"... Человек глубоко образованный, умный, добрый, человек, преданный науке, далекий от политики, он мог работать на пользу родной страны еще много лет (он был на 8 лет моложе меня). Не довольно ли с меня этого горя?! За что же лишать меня возможности работать, пока еще смогу, на близких мне людей и не дать умереть в своем углу? Но, если уж не будет мне пощады, то прошу Вас походатайствовать мне перемену Твери, где я ни души не знаю, на Петрозаводск, где я могу все-таки надеяться на кусок хлеба, где могу найти какую-нибудь работу; кроме того, это все-таки ближе к дорогой, родной мне могиле. А в чужом городе, без гроша за душой и без сил даже на черную работу, конечно, перспектива одна — подохнуть. Это бы, конечно, неважно: невелика беда, что одной старухой будет меньше на свете, но у меня на иждивении две души еще — племянница и внучек, и я их поддерживаю пока работишкой, правда, грошовой, но все-таки прокармливающей их (мне дает ее правление нашего ЖАКТа, так что я могу работать, не выходя из комнаты. Дом большой, и работа есть постоянно).

Простите, дорогая Екатерина Павловна, за длинное письмо.

Глубоко уважающая Вас и благодарная за все В. Романова.

Ленинград. Уг<ол> Екатерининского пр<оспекта> и Мастерской ул<ицы>, д<ом> 11/65-67, кв<артира> 22»⁴.

На письме — пометы рукой Е. П. Пешковой:

«Отв<етить>, что для замены Твери Петрозаводском она должна дать личное заявление. На отмену приговора надежда у меня не потеряна. Е.П. 7/VIII».

В августе 1928 — Вера Федоровна, получив разъяснения юридического отдела Помполита, ответила Е. П. Пешковой.

<25 августа 1928>

«25/VIII-28.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

От всего сердца благодарю Вас за извещение: если Вы еще не теряете надежды, то буду надеяться и я. О замене Твери пока писать не буду. Петрозаводск тоже не радость и, если придется просить, то, может быть, что-нибудь другое.

А пока скажите, не следует ли мне подать еще прошение во ВЦИК или лучше молчать, лучше, чтобы все шло от Вас. Мне-то мое внутреннее чувство говорит, что лучше мне не соваться. На днях пришлю Вам свидетельство своего доктора — здоровье все хуже и хуже... а, кроме того, неужели долгая, долгая трудовая жизнь так-таки ничего и не стоит в глазах власть имеющих? Я работаю с 12-ти лет (12-ти летней гимназистской я давала уроки детям покойного Фед<ора> Мих<айловича> Достоевского. В то время меня еще кормили старшие, но одевала себя я на свой заработок), а теперь мне минуло 65; неужто 53 года не стаж трудовой жизни, смею думать, не совсем бесполезной для других. Как-никак, а мною выпущены в мир первые русские женщины-архитекторы. Первые 12 человек их вышли с учрежденных мною Высш<их> Женск<их> Строительных Курсов около 15-ти лет тому назад. Мы выпускали за 2-х летний курс технически образованных чертежниц (это был первый опыт, и нельзя было вперед сказать, какой процент учащихся одолеет полный курс

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. С. 280-281. Автограф.

гражданского института, а сдавать разочарованных недоучек мы не хотели), и таковых чертежниц мы выпустили много десятков, но, когда на 4-м году существования курсов умер мой товарищ по этому делу, доктор Н. В. Экк, и у меня стало не хватать средств на поддержание курсов в прежнем масштабе, я передала Политехническим курсам (учрежденным почти одновременно с моим) младшие 2 курса, их так целиком (около 200 человек) туда и взяли, а старший курс закончил у меня, и все эти 12 человек — хорошие, способные работницы, еще до окончания выпускных экзаменов были уже приглашены на строительные работы. И таковых чертежниц мы выпустили много десятков, конечно, невелико дело-12 человек, но это были первые женщины-архитекторы и они пробили дорогу многим другим.

Следующий акт моей жизни разыгрался на сцене горной промышленности, он был много труднее, но с точки зрения общечеловеческой пользы, пожалуй, шире. Но довольно надоедать Вам. Простите, что я так разболталась, как-то нечаянно это вышло, мне только захотелось Вам, одной Вам сказать, что я не всегда была тем, что стала теперь, а для ВЦИКа я по-прежнему только больная, ни на что не годная старуха, а Вы, глава милосердного учреждения, — защитница больных, старых, несчастных... Много ли я у них прошу? Возможности издохнуть в своем крошечном углу.

Еще и еще благодарю Вас за Вашу доброту и энергию, так неизменно, так упорно меня защищающую.

Душою Вам преданная В. Романова.

Р. С. Свидетельство моего доктора, о котором пишу вначале, прилагаю при сем»⁵.

*На письме — помета секретаря Помполита:
«Пост<ановление> на пер<евод>. 5/IX».*

В сентябре 1928 — Вера Федоровна, вынужденная выехать в Тверь, вновь просила помощи Е. П. Пешковой.

<28 сентября 1928>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна.

Вчера получила письмо от моего доктора Гордеева, которым он, с Ваших слов, извещает, что мое дело назначено в пересмотр на будущей неделе. Меня до слез взволновало это известие. Защитница моя, родная, если бы Вы знали, как мне здесь тяжело: я предвидела много дурного, но то, что встретилось, все превзошло и, наконец, в довершение всего до полного отчаяния обострился этот проклятый суставной ревматизм. В прошлую субботу я еще смогла добраться до больницы к доктору Панову, а сейчас заболела и другая нога, и я валяюсь, как чурбан, в чужом доме, в чужом углу. Долго ли меня здесь будут терпеть, не знаю, а дома мучится и терзается человек, готовый душу за меня положить — моя бедная племянница, всю жизнь со мною живущая. В марте она потеряла в моем муже своего второго отца и, понятно, что теперь боится потерять и вторую мать, больше у нее нет никого на свете.

Я пыталась сегодня утром встать и пойти к доктору, но это путешествие: с версту пешком, через Волгу на лодке, опять пешком, потом в трамвае, оказалось не под силу, и я, как побитая собака, вернулась в свой угол и, простите, не могла удержаться излить Вам мое горе.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. С. 275-276. Автограф.

Дома, даже больная, в постели, я могу работать, я попыталась уже здесь изложить кой какие свои технические познания в популярном виде для ребят — теперь это, кажется, требуется: детская литература с техническим уклоном. Надеюсь, что слажу с такой задачей, но трудно думать, когда кругом шумит пятерка ребят и восемь взрослых душ, да и основные пособия нужны, дома все это есть, а сюда все не выпишешь, да еще и пересылать то не на что.

Простите, дорогая Екатерина Павловна, опять разболталась — ведь это к делу не относится.

Спасите как увечную, и все эти мечты — только слабые вспышки угасающей энергии, и суждено ли еще встать на ноги, нет ли, кто знает, вернее, что пора умирать, только очень уж тяжело в чужом углу на собачьей подстилке.

Безгранично обязанная Вам и душою преданная
В. Романова.

28/IX-28. Г<ород> Тверь за Волгой, Коноплянникова ул<ица>, д. 41.
В. Ф. Романовой»⁶.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Отв<етить>, что обещано ускор<ить> снятие ограничений. ЕП.
22/IX».

В октябре 1928 — Вера Федоровна, получив информацию о возможности досрочного снятия ограничения проживания, обратилась к Е. П. Пешковой с благодарственным письмом.

<5 октября 1928>

«5 октября 28 г<ода>.

Дорогая, глубокоуважаемая Ек<атерина> Павл<овна>, у меня нет слов, высказать Вам все пережитое сегодня... Вы возвращаете мне не только свободу, но спасли самую жизнь, теперь она больше принадлежит Вам, чем мне. Когда бы, зачем бы ни понадобился Вам человек, беззаветно Вам преданный — вспомните меня, — я вся Ваша. Вы взяли на себя святую миссию защищать несчастных людей, которых лично не видели даже, право которых на Вашу защиту обуславливается именно их несчастьем... За это хочется положить перед Вами глубокий земной поклон. Это не фраза, родная, да благословит Бог Ваше святое дело.

Теперь мечта моя при первой возможности вырваться хоть на один день в Москву, лично от всего сердца поблагодарить Вас.

Вся Ваша В. Романова.

P. S. По получении официального уведомления от Тверского ОГПУ (ведь следует так?) уеду в Ленинград по старому адресу: Мастерская 11 кв. 22»⁷.

<25 ноября 1928>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна

Твердо верю в силу Вашей защиты, и все-таки сердце сжимается перед неизвестностью. Перед моим освобождением из ДПЗ, в январе этого года (1928 г<ода>), один из наиболее солидных следователей на мой вопрос о прошлогодней (10-летней) амнистии ответил мне буквально следующее: "Нет ни одного гражданина в СССР, который не имел бы права рассчитывать на амнистию". Нас та широкая амнистия не коснулась,

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. С. 270-271. Автограф.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. С. 264. Автограф.

быть может, коснется меня предстоящая!.. Тем более, что моих товарищей по несчастью освободили без всяких других поводов, кроме старости и болезней, а я, право, и старше их, и здоровье мое разрушено вконец, и работоспособность, так недавно еще полная, теперь никуда не годится, тем более, что даже улицы мести меня уже не возьмут, а другая работа в данной обстановке абсолютно невозможна»⁸.

*На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:
«К свед<ению> ЕП.13/Х».*

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 234. С. 265. Автограф.